

“...Я ПРОЖИЛ ЖИЗНЬ”

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ А.П. ПЛАТОНОВА

© 2024 г. Н.В. Корниенко^{а,*}

^аИнститут мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия

*E-mail: natalkornienko@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.03.2024 г.

После доработки 08.06.2024 г.

Принята к публикации 25.06.2024 г.

В 2006 г. на государственное хранение перешёл семейный архив классика русской литературы XX века Андрея Платоновича Платонова. В статье рассказывается об этапах научного освоения богатейшего архива, обозначен широкий круг текстологических и источниковедческих вопросов изучения наследия, представлены основные проекты и направления работы научной группы ИМЛИ РАН, готовящей первое научное собрание сочинений писателя и труды-спутники академического издания.

Ключевые слова: Платонов, архив писателя, Российская академия наук, первое научное собрание сочинений, биография писателя, текстология произведений, научная группа.

DOI: 10.31857/S0869587324070075, **EDN:** FMAUMQ

Если бы — мой брат Митя или Надя — через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли, и посмотрели бы на меня: что со мной случилось?

— Я стал уродом, изувеченным, и внешне, и внутренне.

— Андрюша, разве это ты?

— Это я: я прожил жизнь.

А. Платонов, 1942¹

Юбилейную статью, посвящённую одному из блистательных классиков русской литературы XX в., позволю себе построить как отчёт перед Российской академией наук. Напомню, что только благодаря принятому президиумом РАН решению президентом РАН академиком РАН Ю.С. Осиповым 3 июля 2006 г. было подписано распоряжение “О приобретении архива А.П. Платонова”, которым Институту мировой литературы РАН выделялись средства на приобретение архива писателя. 16 ноября того же года были подписаны акты приёма-передачи се-

мейного архива, и он поступил на хранение в отдел рукописей института. Этими датами отмечено масштабное общекультурное событие. Именно благодаря Академии наук на государственное хранение перешёл один из богатейших писательских архивов, а государство в лице Российской академии наук исполнило свой долг перед выдающимся русским писателем и верным сыном отечества [2, с. 85–91; 3, с. 409–414]. Для филологической науки открылась перспектива — вернуть в культуру подлинного Платонова, освободить тексты шедевров его прозы от огромного количества напластований как прижизненной, так и посмертной редакторской правки, восстановить реальную, а не придуманную в угоду тому или иному политическому моменту биографию писателя.

К 2006 г. в институте сложилась небольшая научная группа², занимающаяся подготовкой научного Собрания сочинений Платонова. Этот проект появился в планах института в 1993 г. благодаря участию

¹ Из записной книжки 1942 г. [1, с. 229]. Митя и Надя — младшие брат и сестра писателя; отравились грибами в детском лагере летом 1921 г.

² Старшие научные сотрудники, кандидаты филологических наук Е.В. Антонова, Н.И. Дужина, Д.С. Московская (сегодня — доктор филологических наук, заведующая отделом рукописей ИМЛИ, заместитель директора института), Е.А. Роженцева, Л.Ю. Суrowова, Н.В. Умрюхина.

КОРНИЕНКО Наталья Васильевна — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН.

Андрей Платонович Платонов (1899–1951).
1930-е годы

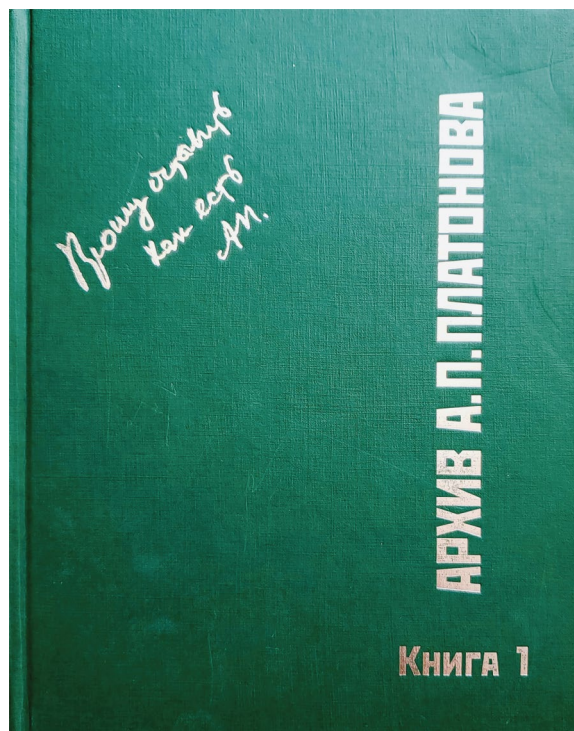
в нём дочери писателя Марии Андреевны Платоновой, предоставившей группе некоторые материалы семейного архива. Первые научные результаты этого сотрудничества нашли отражение в издании выпусков коллективного труда «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества» (выходят с 1994 г.). К 100-летию со дня рождения Платонова были подготовлены к изданию записные книжки писателя [1], составлено научное описание автографа романа «Счастливая Москва» [4, с. 7–105], опубликованы первые документы «губмелиоратора Платонова» из фондов Наркомата земледелия СССР, хранящиеся в Государственном архиве РФ, и переписка Платонова с Гослитиздатом 1921–1922 гг. о публикации книг его стихотворений и статей («Думы коммуниста»). В выпуске «Страны философов», подготовленном к юбилею, впервые была документирована история работы инженера Платонова в 1932–1935 гг. в тресте «Росметрострой» [5, с. 787–804], опубликованы ранее неизвестные материалы писателя из архива ФСБ [5, с. 837–936]. В 2004 г. вышел первый том научного собрания сочинений, представляющий воронежский период творчества Платонова: лирику, рассказы, статьи [6].

Переход семейного архива в отдел рукописей ИМЛИ обозначил принципиально новую ситуацию в работе над собранием сочинений: теперь исследователи работали не с ксерокопиями документов, а с живыми рукописями — автографами и прижизненными машинописями, они получили представление о всём составе и объёме до того неизвестного архивного материала.

На разборку и научное описание поступившего в отдел рукописей семейного архива Платонова (фонд № 629) ушло почти пять лет. Были сформированы 6 описей («Рукописи», «Записные книжки и записи», «Письма», «Материалы к биографии», «Библиотека А.П. Платонова», «Материалы жены и дочери писателя»). В описи «Рукописи» 364 автографа и авторизованных машинописей Платонова, на сегодняшний день это самое большое хранилище рукописей писателя, каждая из которых нами была датирована; описана каждая страница не только автографа, но и её оборот. В качестве бумаги для нового текста Платонов зачастую использовал чистые обороты машинописей другого произведения. Фрагменты автографа одного произведения могли находиться на оборотах машинописей другого текста или среди других материалов; в процессе разборки архива важно было свести эти фрагменты воедино. Некоторые одиночные листы автографа обнаруживали свою непосредственную связь с листами из других архивохранилищ. Так, в хранящемся в РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства) автографе блистательной статьи Платонова «Великая Глухая» (1930) зиял пробел — отсутствовал фрагмент страницы; с пометой об утрате части автографа статья ранее и печаталась. Выпавший при первой передаче материалов семейного архива на государственное хранение³ фрагмент автографа был выявлен при разборке семейного архива, и теперь текст статьи печатается по двум источникам — неполному автографу РГАЛИ и фрагменту ОР ИМЛИ [7 (2), с. 324–326, 783–796].

В ходе этой скрупулёзной работы продолжалась подготовка следующих томов собрания сочинений и было принято решение открыть труд-спутник собрания сочинений — «Архив А.П. Платонова». Это издание призвано вводить в научный оборот неизвестные архивные материалы, разрабатывать контекстную проблематику и идеологию комментирования текстов, восстанавливать историю текста каждого произведения, проводить стыковку материа-

³ В 1951 г., после смерти Платонова, часть архива писателя была приобретена ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ), где сформирован первый фонд А.П. Платонова (ф. 2124). В 1970-е годы небольшая часть семейного архива была приобретена Пушкинским домом (рукописный отдел ИРЛИ РАН, ф. 780). В те же годы небольшая часть документов составила фонд Платонова в отделе рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (ГЛИМ, ф. 335).

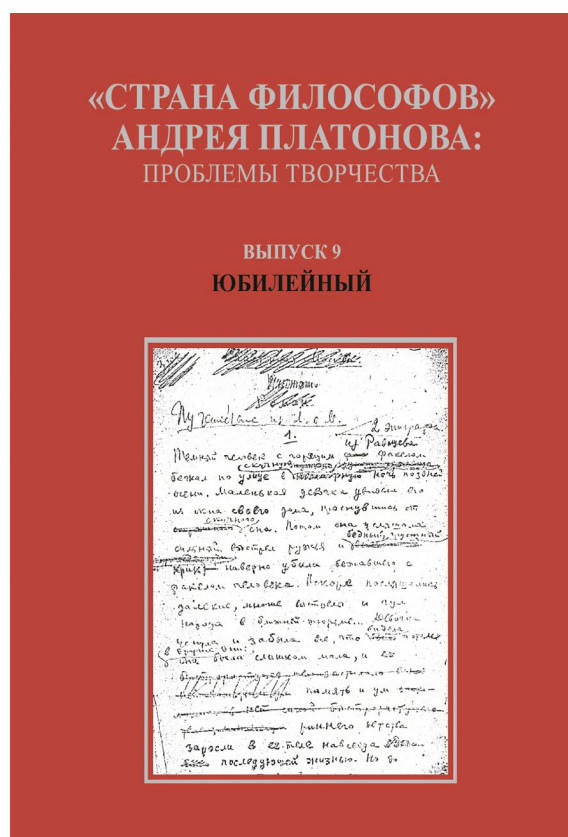

Обложка первой книги “Архива А.П. Платонова”.
М.: ИМЛИ РАН, 2009

лов нашего фонда с другими хранилищами, где находятся рукописи и документы биографии Платонова.

В научной повестке изучения творчества писателя вопросы специфики его наследия занимают особое место. Его документы, включая письма, хранятся не только в специальных литературных архивохранилищах (РГАЛИ, РО ИРЛИ, ОР ИМЛИ, ОР ГЛМ), но и в совершенно никак не связанных с литературой, что объясняется биографией писателя Платонова (урождённый Климентов) — талантливого мелиоратора, инженера, изобретателя (полученные им патенты на изобретения находятся как в нашем фонде, так и в Патентной библиотеке России). Производственные записки, деловая переписка, чертежи и патенты представляют не только важнейшую часть жизни Платонова, но и подводят нас к феномену его литературной личности, объясняют эстетическую и идейную позицию писателя в литературной жизни эпохи⁴ и представляют бо-

⁴ Платонов имел свою позицию по вопросу о необходимости писателю иметь вторую профессию, этот вопрос не раз обсуждался в дискуссиях 1920-х — начала 1930-х годов. Позиция Платонова была достаточно определённа и однозначна: он доказывал, что и этически, и эстетически советский писатель просто обязан иметь не вторую, а первую профессию; см., например, ответ на вопрос анкеты “Какой нам нужен писатель” 1931 г. о второй профессии писателя: «В эпоху устройства социализма “чистым” писателем быть нельзя. <...> Искусство найдёт себе время родиться в свободные выходные часы» [8, с. 287].

Юбилейный выпуск труда-спутника Собрания сочинений А.П. Платонова, изданный в 2024 г. ИМЛИ РАН

гатеиший материал жизни, преобразённый пером художника в новую реальность, вселенную.

Первая книга “Архива А.П. Платонова” вышла в свет в 2009 г. [9], на её обложке — автограф, ставший кодексом нашего издания:

“Прошу оставить как есть. АП”⁵.

Эта запись имеет универсальный характер и относится как к текстам произведений, так и к биографии Платонова, о которой сложилось немало небывлиц, а то и откровенной неправды.

Первая книга “Архива” состояла из трёх разделов. Первый — “Текст и его история” — представил комментированные публикации автографов ранее неизвестных текстов писателя, а также таких широко известных произведений, как повесть “Впрок” (1931), вызвавшая жёсткую реакцию И.В. Сталина; в семейном архиве хранилась прежде неизвестная первая редакция повести, с которой начиналась история знаменитой “Бедняцкой хроники”. Публикуемые автографы позволяют войти в фантастический мир рождения платоновских шедевров — пройти вместе

⁵ Запись Платонова на полях машинописи рассказа “Июльская гроза” (1938) относится к правке текста редактором журнала “Октябрь” (РГАЛИ).

с писателем от блестящих вариантов одной фразы, абзаца, от редакции главы до текста, ставшего всемирно известным. “Следовать за мыслью великого человека есть наука самая занимательная” — эти широко известные строки А.С. Пушкина наиболее точно передают смысл и пафос работы исследователя с рукописями классиков, которые открывают нам тайное тайных писательской лаборатории и если не дают полный ответ на вечный филологический вопрос “как это сделано”, то прокладывают к нему верную дорожку, точнее — тропочку.

Второй раздел “Архива” — “Эпистолярное наследие” — в актуальную научную повестку ставит вопрос собирания писем Платонова. Он их немало написал: родным, друзьям и товарищам по службе, редакторам журналов и издательств, руководителям Союза писателей и государства. Сотни писем и телеграмм за подписью инженера и губмелиоратора Платонова уходили в Москву, в Наркомат земледелия СССР, в уезды Воронежской губернии (уездным техникам и мелиораторам), руководству Воронежского и Тамбовского земельных управлений, где он служил... Письма Платонова — замечательный документ русской истории и литературы, быта советской эпохи, бесценный, а зачастую единственный надёжный первоисточник для понимания многих сюжетов его прозы, составления хроники жизни и творчества и комментария его произведений. В “Архиве” впервые полностью печатаются ранее известные лишь в извлечениях письма Платонова 1920—1940-х годов к невесте и жене Марии Кашинцевой — письма-поэмы о любви, письма-новеллы о единственной женщине в его жизни, “письма о любви и горе”... Эта часть наследия Платонова, освоенная, ещё раз отметим, фрагментарно, позволила собрать и выпустить в 2013 г. первое издание 330 писем Платонова [10], в 2019 г. выходит второе издание, дополненное новым эпистолярием. Работа на этом направлении продолжается и сегодня.

Третий раздел “Архива” — “Документы жизни и творчества” — вводит в научный оборот также ранее неизвестные материалы нашего фонда и других архивохранилищ страны. Особое место среди материалов раздела занимает публикация “Семейная трагедия Андрея Платонова (К истории следствия по делу Платона Платонова)”, основанная на документах семейного архива и архива ФСБ история ареста (в 1938 г.) и освобождения (в 1940 г.) сына Платонова.

В 2016 г. выходит второй том “Сочинений” [11], представляющий творчество Платонова 1926—1927 гг., условно названный нами московско-тамбовский период жизни и творчества. Том, открывающий пятью блистательными повестями Платонова — “Эфирный тракт”, “Епифанские шлюзы”, “Город Градов”, “Сокровенный человек”, “Ямская слобода”, выстроен с учётом автографов текстов, которые теперь находятся в фонде Платонова ИМЛИ. С окончанием

работы над томом, с произведениями которого фактически начинается вхождение Платонова во всесоюзную литературную жизнь, разворачивается работа над следующими томами собрания сочинений и 2-й книгой “Архива А.П. Платонова”. Тома выходят по мере их готовности: за томом II в 2020 г. выходит том IV (в 2-х книгах), за ним в 2021 г. — том III [12], а после тома III начинают выходить книги тома VI (в 3-х книгах), представляющего прозу, драматургию и литературную критику 1936—1941 гг.; в 2023 г. вышла 3-я книга [13]; в 2025 г. планируется издание 1-й и 2-й книг; развёрнута работа над томом V, осваивается богатейшее наследие военного периода (тома VII в 2-х или 3-х книгах).

Публикации в собрании сочинений главного романа Платонова — романа “Чевенгур” (том III) предшествовала подготовка и издание второй книги “Архива А.П. Платонова” [14] — с полным описанием истории рукописи романа, авторской работы над каждой её страницей. В ходе проводившегося уже не один год исследования было установлено, что сначала автограф был разобран самим автором, а затем, уже после смерти писателя, рукопись “Чевенгура”, включающая в себя рукописные (автограф) и машинописные страницы, была передана в Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН), а большая часть перечёркнутых страниц автографа и машинописей фрагментов романа оставлена в семье. Недоступность материалов семейного архива, её последствия во всей красе проявили себя в печальной ситуации, сложившейся вокруг главного романа. В интеллектуальном контексте исследований романа закрепилось прочтение “Чевенгура” как антиутопии, а выстроенная на основе рукописи ИРЛИ по-своему оригинальная история создания романа определила научные гипотезы о поэтике романа. Утверждалось, что Платонов сложил общую рукопись романа из рукописных страниц и ранее написанных фрагментов каких-то текстов (машинописи). Из этого положения следовал вывод о фрагментарности поэтики романа и монтажности как принципах работы автора над текстом романа. Оба вывода имели своё мощное, можно сказать, документальное обоснование в характере составной рукописи ИРЛИ.

Дополнительный анализ составной рукописи романа, хранящейся в РО ИРЛИ, — характера нумерации страниц, авторских маргиналий на полях — позволил вычленив в ней автограф, текст, выполненный рукой Платонова, и соотнести этот текст и нумерацию его страниц с рукописными страницами семейного архива (сегодня — архива ИМЛИ). Результатом проведённой работы стало восстановление единого рукописного текста романа в его первой и второй редакциях.

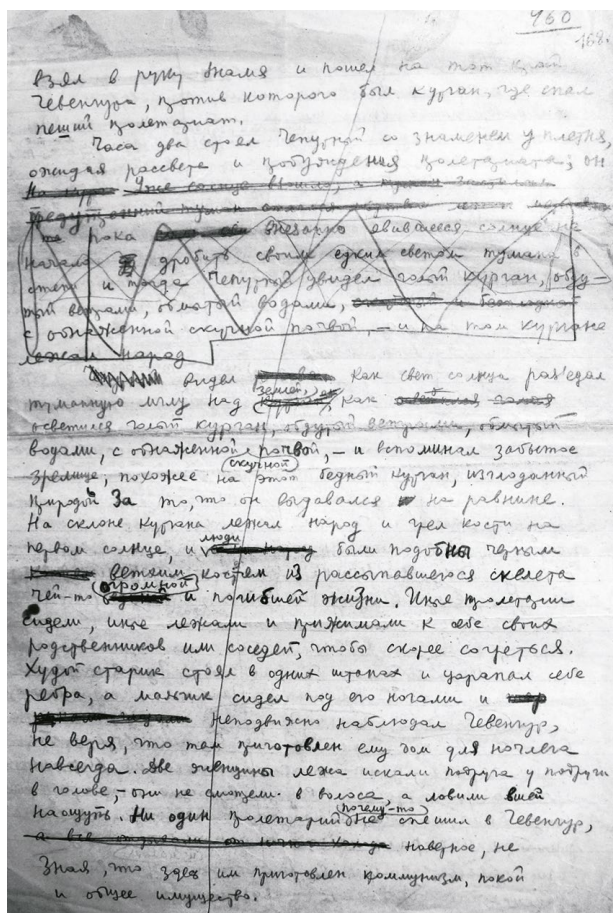
Важно было распознать движение карандаша Платонова и сделанные для себя (и как оказалось — для нас) пометы на полях. Всё в этой исследовательской работе доставляет радость, ты идёшь с автором

и за автором, щедро представляющим тебе документальный материал для построения той или иной научной гипотезы.

Вторым этапом работы стало изучение истории машинописных страниц в составной рукописи романа. Оказалось, что это не какие-то ранние тексты писателя, а машинописи, выполненные с автографа романа. Указания на это сохранил сам автограф в сделанных Платоновым многочисленных пометах для машинистки “Отсюда” и “До сих”, которыми отмечался фрагмент написанного (ещё раз повторим — от руки) текста для его перепечатки. Получив машинопись фрагмента (обычно 2–3 экземпляра), Платонов редактировал текст, превращал его в рассказ и давал ему заглавие. Так появились рассказы или отрывки из романа: “Потомок рыбака”, “Происхождение мастера”, “Путешествие в 1921-м году”, “Любовь Дванова”, “Путь в Чевенгур”, «Сочельник коммунизма (Из повести “Чевенгур”», “Прочие в Чевенгуре”, “Двое людей”. Готовя в 1929 г. для машинистки полный текст романа, Платонов заменил многие рукописные страницы на сделанные с автографа машинописи, проведя дополнительную правку. Так на страницах машинописных вставок в рукописи романа нашли отражение разные временные этапы работы над текстом. В подготовленном томе “Архива” представлено не только полное описание рукописи романа, но и истории всех его фрагментов-рассказов. Поверьте, это увлекательное чтение не только для исследователей Платонова.

Описание рукописи позволило перейти к подготовке текста романа в составе собрания сочинений, кроме основного текста в том III вошла первая редакция романа “Строители страны”, текст которой был вычленен из рукописного свода материалов фондов Платонова ИМЛИ и ИРЛИ. Удалось уточнить и историю двух экземпляров издательских гранок романа в издательстве “Молодая гвардия”, с датой 1930 г. Подготовка этого издания⁶ мы обязаны Георгию Захаровичу Литвин-Молотову, члену редколлегии издательства “Молодая гвардия”, человеку, сыгравшему едва ли не главную роль в литературной судьбе Платонова: член Воронежского губкома РКП(б) Литвин-Молотов открыл для молодого Платонова страницы воронежских газет, написал рекомендацию в партию; возглавив краснодарское издательство “Буревестник”, он выпустил сборник стихотворений Платонова “Голубая глубина”, написав к нему предисловие; публикациям первых книг Платонова в московских издательствах мы обязаны также не собратям по литературному цеху, а Литвину-Молотову. Его участие в появлении повести “Город Градов” сохранила машинопись одноимённого рассказа с подробными постра-

⁶ Издание романа “Чевенгур” было приостановлено летом 1930 г. в ходе проверки издательства специальной комиссией, что удалось установить из информации, опубликованной в “Комсомольской правде” [12, с. 592–594].

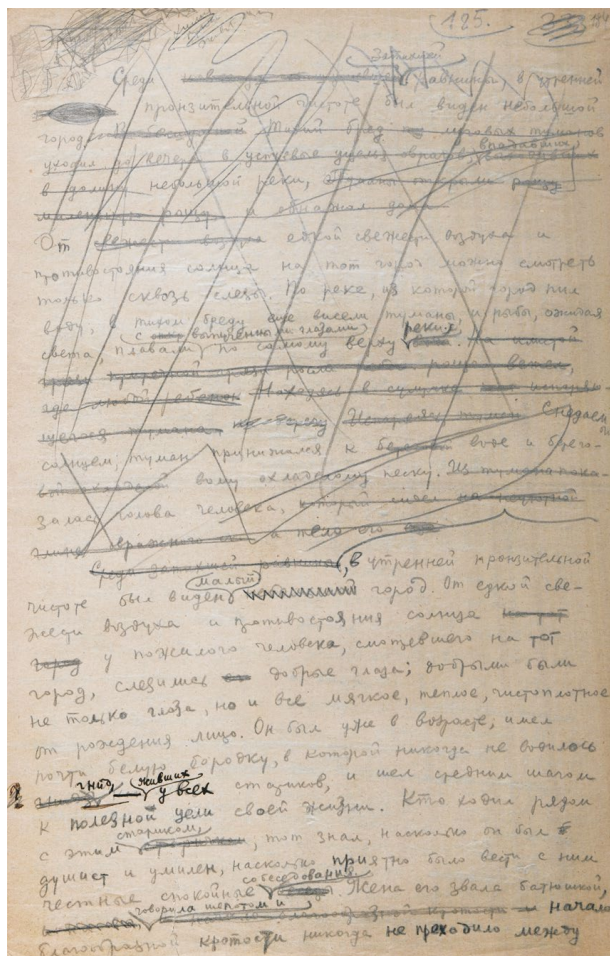
Роман “Чевенгур”. Автограф. ОР ИМЛИ

ничными пометами редактора, а участие в истории создания романа подтверждено документально — письмом редактора Платонову о присланном ему большом фрагменте будущего романа “Строители страны” [14, с. 637–641]. В процессе переработки первой редакции романа произойдёт изменение замысла произведения, а героям “Строителей страны” предстоит или исчезнуть из нового романа или обрести другую биографию, а также пройти свою дорогу в город Чевенгур.

Рукопись открыла для нас и главную присокровенную тему романа, мимо которой до того проходили как зарубежные, так и отечественные интерпретаторы. Две записи Платонова на страницах с сокращённой в автографе подробной историей строительства города Чевенгура:

“Кто такие чевенгурцы? Это отходники тоже: два потока” [14, с. 371];

“Раньше все — Чепурн<ый>, Пиюся и пр<очие> ч<евенгур>цы это отходники, построив<шие> Ч<евенгур>” [14, с. 397] — презентуют историческую и тему крестьянского отхода (оставшийся в черновике год основания уездного города Чевенгур — 1861, год отмены крепостного права) и её современный извод XX в. Если взглянуть в состав главных идео-

Роман “Чевенгур”. Автограф. РО ИРЛИ

логов нового коммунистического Чевенгура, то мы обнаружим, что их биографии представляют разные исторические потоки крестьянского отходничества. Безжалостный Пиюся был когда-то “терпеливым каменщиком”; Пётр Варфоломеевич Вековой — пастухом; из “мужиков” — организатор ревзаповедника Пашинцев; рыцарь прекрасной дамы Розы Люксембург Степан Копёнкин родом из далёкой Сибири, куда ушли когда-то за землёй и лучшей долей его предки.

В написанном во время работы над романом рассказе “Областные организационно-философские очерки” (1928; печатался под названием “Че-Че-О”) Платонов дал собственное определение исторического генезиса не только чевенгурских идеологов, но и крестьянской основы революции 1917 г.: “Столыпин дал исход деревенской верхушке на хутора, а остальное крестьянство нашло себе выход в революции” [4 (2), с. 14].

Платонов знал об отходничестве не только по произведениям русской литературы (в его библиотеке находился том дореволюционного собрания сочинений Глеба Успенского с его знаменитыми очерками о деревне пореформенной эпохи), но и по

собственному производственному опыту. Засуха и голод сначала 1921-го, а затем 1924 г. вытолкнули из деревень средней России тысячи крестьян — уходили, как прежде, на юг, в Сибирь, в центральные города. Именно засуха 1921 г., можно сказать, прервала блистательное восхождение революционно-го поэта и публициста Платонова, о чём он прямо напишет в автобиографии 1924 г.: “Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой” [15, с. 180]. К 1927–1928 гг., времени работы над романом, отходничество в СССР приобрело угрожающие масштабы: биржи центральных городов были переполнены безработными сезонными рабочими, эта тема не сходила со страниц центральных газет. Тема крестьянского отхода, оформившаяся в повестях 1927 г. и в “Чевенгуре”, остаётся среди важнейших тематических узлов содержания в скорбном русском “Котловане” (1930); в повести “Джан” (1935) будут собраны те же чевенгурские сироты, “прочие” — дети отходников народов бывшей Российской империи. Разные сюжетные решения темы “власти земли” над человеком и его освобождения от этой “власти”, забвения “святого хлебопашества” мы находим и далее в творчестве писателя — в рассказах 1930-х годов, в военных и послевоенных рассказах.

Через философские и поэтические контексты крестьянская тема обретает в “Чевенгуре” и “Котловане” всемирное звучание: утратив связь с землёй человек лишается “душевных корней” жизни и творчества. Личное воспоминание об отце в записной книжке начала 1930-х годов является пояснением к затронутой теме и авторским комментарием к базовым лозунгам так называемого реконструктивного периода “Техника... решает всё” (И. Сталин, 1931) и созданию более совершенной “второй природы”:

«“В Задонск!” — лозунг отца, крестьянский остаток души: на родину, в поле, из мастерских, где 40 лет у масла и машин прошла жизнь» [1, с. 111].

Приобретённый в ходе работы опыт реально-исторического комментирования произведений Платонова, можно сказать, просто обязал нас на новом этапе вернуться к воронежскому периоду жизни автора “Епифанских шлюзов” и “Чевенгура”. Этот период творчества представлен в томе I, который создавался, когда мы ещё не располагали семейным архивом и не представляли масштаба и объёма работы с наследием писателя. Между тем в автобиографическом платоновском тексте особым статусом отмечены именно годы детства⁷ и юности писателя.

В 1926–1927 гг., приступив к написанию первых больших эпических текстов, Платонов обратится

⁷ В многолетней рабочей семье Климентовых Андрей был старшим, поэтому работать стал рано, с 13 лет, после окончания церковноприходской школы и городского училища; подробно см.: [16, с. 37–48; 17, с. 300–304].

к пережитому им лично, в том числе к богатейшему философскому и производственному опыту, сделав его предметом исторического, политического, экономического, философского и эстетического анализа и авторской рефлексии (повести “Эфирный тракт”, “Епифанские шлюзы” и “Город Градов”). Это было первое, но не последнее обращение Платонова-художника к опыту “губмелиоратора Платонова”. То целыми сюжетами, то деталями этот опыт найдёт отражение в романе “Чевенгур” (1927–1929), в рассказах и повестях 1928–1932 гг., в туркменском цикле текстов, в биографиях героев довоенных, военных и послевоенных рассказов, в статье “Страхование урожая от недорода” (1948). И даже в русских сказках в описаниях традиционных для сказочных сюжетов колодцев появляются детали, связанные с опытом Платонова по строительству колодцев в Воронежской и Тамбовской губерниях.

Каждая новая встреча с прошлым пронизывалась в его творчестве вечными вопросами смысла истории и самой жгучей современностью, обретающая свои художественные формы, предлагала свою систему образов и оценок, и, кажется, открывала неисчерпаемость и внутреннюю противоречивость тем личной биографии и пережитого. Ироническая градовская интонация не уйдёт из его творчества, но постепенно начнёт вытесняться сначала печальной, а затем и светлой интонацией воспоминаний о юности, высокой поэтической настроенностью в обращении с сюжетами из собственной жизни и раннего творчества. Однако к какому бы из этих слоёв памяти художественных текстов, представляющих в целом своеобразный и грандиозный палимпсест, мы ни обратимся, он всегда восходит к своему первоначальному источнику — дням жизни губернского мелиоратора Платонова.

К настоящему времени освоен огромный свод архивных материалов этого периода, без которых просто невозможно даже подойти к составлению научного комментария не только материалов воронежского периода жизни Платонова, но и главных произведений писателя, вошедших в золотой фонд русской классики. При этом также очевидно, что до полноты освоения архивных материалов этого периода жизни Платонова ещё далеко, а фундаментальные законы источниковедения о выявлении и привлечении к анализу всех документов ещё никто не отменял.

Документирование воронежского периода жизни, отмеченное исследованиями краеведа О.Г. Ласунского [16] и редактора тома I Собрания сочинений Платонова Е.В. Антоновой [17], нуждается в дополнениях, что и послужило одной из причин решения открыть работу над 3-й книгой “Архива А.П. Платонова”, которая будет посвящена производственному и техническому наследию писателя 1920–1940-х годов. Как видно по датам, архивный том составят не только воронежские материалы.

Лишь один пример на тему значимости биографических документов не только для составления летописи жизни и творчества писателя, но и для проблемно-тематического анализа его художественного текста, понимания его своеобразия. Ещё раз подчеркнём, что уже опубликованные материалы из архивохранилищ Москвы (Наркомата земледелия СССР в Государственном архиве Российской Федерации) и Воронежа (Губернского земельного управления, ГЗУ, в Государственном архиве Воронежской области, ГАВО), связанные мелиоративными работами Платонова 1924–1926 гг., служат сегодня едва ли не базовым источником для реального комментария многих сюжетов и образов в рассказах, повестях и сценариях Платонова 1920–1930-х годов. Однако в больших сводах архивных материалов ГЗУ ГАВО, имеющих, подчеркнём, специальный производственный характер, среди пропущенных оказались документы по организации огнестойкого строительства в Воронежской губернии. Их немало, а под большинством документов — докладных записок, деловых писем, распоряжений, выписок из постановлений ГЗУ и уездных товариществ огнестойкого строительства, виз на самых разных письмах-просьбах из уездов стоят подписи Платонова: “губмелиоратор Платонов” или сокращённое “АП”. Этот материал даёт с полным основанием утверждать, что именно с именем Платонова связано возрождение огнестойкого строительства в губернии. В январе 1925 г., когда Платонову было поручено ещё и это направление работы возглавляемого им подотдела сельхозмелиораций, ситуация с пожарами, “горимостью” домов в уездах губернии, выглядела катастрофической и удручающей. Открытые до революции черепичные мастерские бездействовали, не работали цементные заводы, в губернии практически отсутствовали стройматериалы. Вот как выглядела ситуация с огнестойким строительством в одном из документов 1925 г:

“До войны и 1917 г. — в деле огнестойкого строительства по губернии обращалось оборотного капитала — 6.000. 000 р.

Оборудованных и действующих кирпичных заводов было — 18.

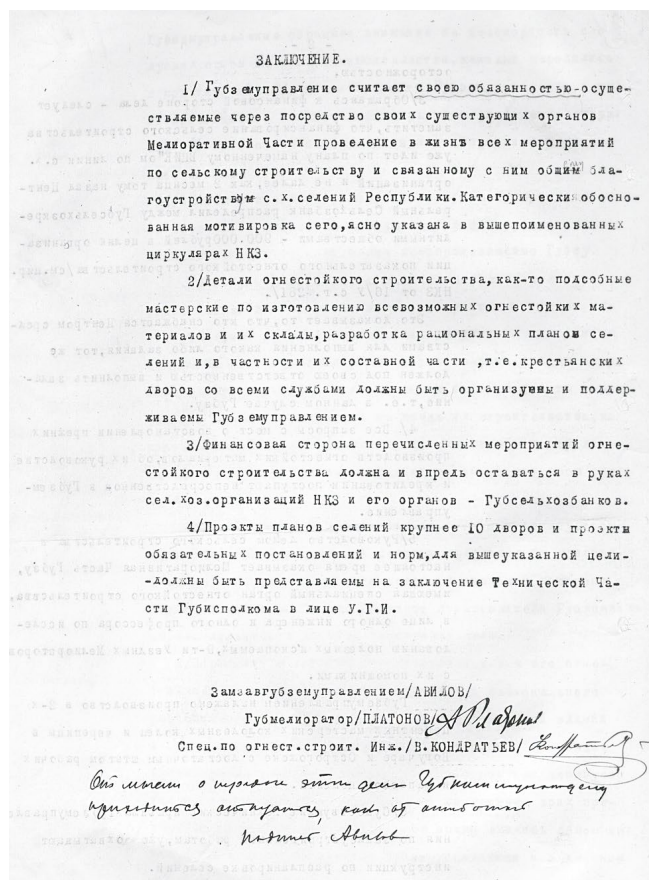
Оборудованных и действующих черепичных мастерских — 27.

Крестьянин был сыт и кредитоспособен.

Ныне же крестьянин разорён и войнами, и неурожаяем и некредитоспособен до того, что снимает железную крышу с хаты и везёт её на базар, заменяя железо соломой.

Кирпичных заводов действует только — 2
и ни одной черепичной мастерской”⁸.

⁸ ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Ед. хр. 12. Л. 54. Полностью архивные материалы по данной теме печатаются в юбилейном выпуске “Страны философов” [18, с. 733–755]; см. также нашу статью в журнале “Крестьяноведение” [19].

Докладная записка Губернского земельного управления об организации огнестойкого строительства. 1925. В числе подписавших — «губземелиоратор Платонов». Государственный архив Воронежской области

На февраль 1926 г., когда уже решился вопрос отъезда Платонова из Воронежа, в губернии было открыто 20 черепичных мастерских; Платоновым подписаны десятки смет и заявок на кредиты, на выдачу ссуд крестьянским товариществам для открытия кирпичных заводов, известково-обжигательных печей, черепичных, цементных и кирпичных мастерских.

Открытие этой, ранее неизвестной страницы биографии позволяет по-новому прочитать многие сюжеты и образы в произведениях Платонова, увидеть в них то содержание жизни писателя, о котором ты раньше не догадывался, а попросту — не знал его. Однако, начиная с самых ранних произведений писателя, среди образов «старинного времени» до-революционной русской деревни мы постоянно встречаем описание дома с соломенной крышей: «...деревня видна — куча хат, крытых внахлобучку тою же ржаной соломой» («Память», 1922); «...хаты, сделанные из глины, соломы и плетня» («Город Градов», 1927); «...глиносоломенные избы мелко-имущественных бедняков» («Впрок», 1930); «...живут в соломенных избушках», «...лошади разбрелись —

одна остановилась у соломенной крыши и начала дергать солому из неё» («Котлован»); «...страна ещё глиносоломенная» («Кухонный мужик Советского Союза» (1930—1931); «Здесь были поля, леса, соломенные деревушки, а в них жили печальные, бедные люди» («Вся жизнь», 1940).

Образы новой деревни в фантастической повести «Эфирный тракт» (1926—1927) выстраиваются как антитеза хаты/избы с соломенной крышей:

«Деревня резко изменила своё лицо — вместо соломы, плетней, навоза, кривых и тонких брёвен, в строительство вошли черепица, кирпич, толь, терризит, цемент, наконец, дерево, но пропитанное особым составом, делающим его несгораемым. Народ заметно потолстел и подобрел характером».

Перечисленные строительные материалы созданы, конечно, не после революции, но в тексте появились они не случайно, а список составлен со знанием дела и в памяти текста закреплёны прежде всего ценностные детали биографии автора, которыми он наделяет своих любимых героев. Так, важным этапом в биографии инженера-изобретателя Михаила Кирпичникова («Эфирный тракт») является его работа в черепичной мастерской, которая пришлась на юношеские годы жизни; это дважды отмечается в тексте как ценностная характеристика героя: «Как умный и честный человек, как выходец из черепичной мастерской...». В рассказе «Областные организационно-философские очерки» (1928) тема несгораемых строительных материалов и черепичных мастерских включается рассказчиком в генеральный план развития деревни, как его видел автор «Котлована»: «По прошлой своей работе в провинции, а также из теперешней поездки я убедился, что в деревне, кроме коллективов, нужны в первую очередь землеустройство, мелиорация и огнестойкое строительство». Также во многом у автобиографического героя повести «Впрок» (1930), «душевного бедняка», одна из его профессий связана с изготовлением черепицы: он «колодезный и черепичный мастер».

Окрашенные особой сердечной интонацией памяти детства и юности писателя темы «соломенных деревушек» и черепичных мастерских найдут подробное описание в рассказе «Афродита» (1944), где в воспоминаниях главного героя рассказа «Афродита» полковника Назара Фомина, оказавшегося в освобождённом от фашистов родном «южном городе», собраны и процитированы основные сюжеты воронежского периода жизни писателя: окраина «южного города» (Ямская слобода), где родился писатель; фантастические проекты будущего, которые выстраивал «рабочий-философ» Платонов; история с открытием электростанции в селе Рогачёвка; строительство плотин и колодезев в губернии и т.п. И если в биографии губземелиоратора Платонова огнестойкое строительство было одним из последних направлений его работы в ГЗУ, то в производствен-

ной биографии полковника Назара Ивановича Фомина ей отведено особое место:

“Назар Фомин заведовал вначале сельским огнестойким строительством в районе; это считалось небольшой должностью. Но он воодушевился этой работой, он принял её в своё сердце — не как службу, но как смысл своего существования... <...> Он тогда же изучил статистику пожаров в своём районе по земским сведениям и рассчитал, что если черепица заменит соломенную кровлю, то крестьянство от одной экономии на убытках от огня может, например, через три года построить в каждом селе по артезианскому колодцу с обильной здоровой водой или ещё что-либо, а в последующие три-четыре года можно на те же средства, спасённые черепицей от огня, построить местную электрическую станцию с мельницей и крупорушкой...”

Материалы по огнестойкому строительству из архива ГАВО представляют уникальный комментарий к этим страницам рассказа “Афродита” и в целом к произведениям, где присутствуют указанные выше темы огнестойкого строительства, наполняя их деталями истории страны, жизни народа и самого писателя.

“Я искал возможности быть политическим писателем” [8, с. 300], — скажет Платонов на творческом вечере 1932 г., и это признание важно как для понимания его литературной личности, так и языка любого его произведения, который превращает реалии и мельчайшие факты текущей исторической и политической жизни в реалистические, а порой в фантастические образы и с первых строк вводит читателя в новую вселенную, где действуют свои особые законы. Вот лишь некоторые экспозиции произведений Платонова разных лет, представляющие ту сложную простоту его языка, которым заговорила в его произведениях массовая народная жизнь и его “сокровенный человек”:

“Сколь разумны чудеса природы, дорогой брат мой Бертран! Сколь обильна сокровенность пространства — то непостижимо даже самому могучему разумению и нечувственно самому благородному сердцу! (“Епифанские шлюзы”, 1927);

“Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят жить прямо из природы. Появляется человек — с тем зорким и до грусти измождённым лицом, который всё может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно” (“Чевенгур”, 1928);

“В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую действительность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного, руководящего города” (“Впрок”, 1930);

“В день тридцатилетия личной жизни Вошеву дали расчёт с небольшого механического завода,

где он добывал средства для своего существования” (“Котлован”, 1930);

“Тёмный человек с горящим факелом бежал по улице в скучную ночь поздней осени. Маленькая девочка увидела его из окна своего дома, проснувшись от скучного сна. <...> Девочка уснула и забыла всё, что видела потом в другие дни: она была слишком мала, и память и ум раннего детства заросли в её теле навсегда последующей жизнью” (“Счастливая Москва”, 1934);

“Давно в ночное время сорок или больше всадников ехали мирным шагом в долине Фирюзы по краю речного потока. <...> Древняя иранская дорога уже тысячу лет несла на себе либо торжествующее, либо плачущее, либо мёртвое человеческое сердце” (“Такыр”, 1934);

«В город Москву шёл отходник из колхоза “Победитель” Семён Вещий» (“Московская скрипка”, 1935);

“Во двор Московского экономического института вышел молодой нерусский человек Назар Чагатаев. Он с удивлением осмотрелся кругом и опомнился от минувшего долгого времени” (“Джан”, 1935);

“Он уехал далеко и надолго, почти безвозвратно. Паровоз курьерского поезда, удалившись, запел в открытом пространстве на расставание...” (“Фро”, 1936);

“Трава опять отросла по набитым грунтовым дорогам гражданской войны, потому что война прекратилась. В мире, по губерниям снова стало тихо и малоллюдно: некоторые люди умерли в боях, многие лечились от ран и отдыхали у родных, забывая в долгих снах тяжёлую работу войны...” (“Река Потудань”, 1936).

Платонов писал быстро. Порой кажется, что и карандаш, которым выполнены практически все его рукописи, был необходим ему, чтобы не затормаживать сам процесс писания — личного высказывания, подчинённого выражению самой жизни, её “вещества существования”. В отличие от его современников, входивших в литературу вместе с революцией, Платонов надолго задержится с вхождением в московскую литературную жизнь, так в неё фактически и не войдя. Он и в Москве появится летом 1926 г. как успешный мелиоратор страны⁹, однако вскоре потеряет службу и вновь окажется в Москве — на этот раз “без работы и почти без надежды” [10, с. 246]. Помощь приходит от инженеров Наркомата земледелия; от этого учреждения он получает в декабре 1926 г. назначение в Тамбов на должность губернского мелиоратора. В Тамбове его ждала ежедневная тяжёлая производственная

⁹ В феврале 1926 г. на Всероссийском мелиоративном совещании губернский мелиоратор Платонов избирается в состав Всесоюзного секретариата земсекции ЦК Всеработземлес на должность ответственного секретаря; в конце мая он сдаёт дела и уезжает из Воронежа.

работа, новая встреча с наследием Пушкина и масштабный прорыв в творчестве, колоссальный выброс творческой энергии, которую, кажется, сама реальность исторгла из себя самой, предназначив для этого Платонова. Он принял её как удел — со смирением. И тогда горизонты видения разомкнулись, и уже больше до конца его жизни это видение не знало пределов. Он работает ночью: в несколько дней (точнее ночей) заканчивает фантастическую повесть, в несколько недель — эстетически совершенную историческую повесть “Епифанские шлюзы”, за ней — современный “Город Градов”. Вернувшись весной в Москву, создаёт блистательные повести “Сокровенный человек”, “Ямская слобода”, “Строители страны”, рассказы, сценарии, пьесы, статьи.

Впереди будут трудные московские годы: годы бездомья, безработицы и поиска новой службы; колоссальные творческие победы 1930-х годов (повести “Котлован”, “Ювенильное море”, “Джан”, роман “Счастливая Москва”, трагедия “14 красных избушек”, рассказы, пьесы, киносценарии, литературная критика); периодически обрушивавшиеся на него погромные кампании критики (1928, 1931, 1938, 1947); семейные драмы; впереди — Великая Отечественная война, которую он пройдёт военным корреспондентом и создаст единственную в своем роде духовную прозу о “тружениках войны”; тяжёлая смертельная болезнь, книга русских сказок в его “пересказе”. Неоконченными останутся рукописи рассказов, повестей, пьес, киносценариев. Он уйдёт из жизни совсем молодым, на 52-м году жизни, оставив богатейшее литературное наследие и ни на кого не похожую писательскую биографию. Он оставил нам и своеобразные наставления, а точнее — подсказки, как понимать/читать его личную биографию и биографию человека его времени, понимать не только в её внешних фактах, но во внутренней жизни человека и самой истории. Об этом — строки из записной книжки, вынесенные в эпиграф статьи. О духовных истоках понимания пути человека — в патетическом отступлении, посвящённом истории жизни героя рассказа “Афродита”, которому, как мы отмечали, Платонов отдаст важнейшие вехи своей биографии:

“Много раз обстоятельства превращали Фомина в жертву, подводили на край гибели, но его дух уже не мог истощиться в безнадежности и в унынии. Он жил, думал и работал, словно постоянно чувствуя большую руку, ведущую его нежно и жёстко вперёд — в судьбу героев. И та же рука, что вела его жёстко вперёд, та же большая рука согревала его, и тепло её проникало ему до сердца”.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Грант Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приори-

тетным направлениям научно-технологического развития, проект “Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий” (соглашение № 075-15-2024-549).

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает искреннюю благодарность академику РАН Ю.С. Осипову за решение вопроса судьбы семейного архива А.П. Платонова, хранителю фонда А.П. Платонова в ОР ИМЛИ им. А.М. Горького РАН Е.В. Антоновой за подготовку иллюстративного материала к статье и всей Платоновской группе ИМЛИ за самоотверженный труд по возвращению наследия великого русского писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000.
Platonov A. Notebooks. Materials for Biography. M.: Heritage, 2000.
2. *Корниенко Н.В.* Архив А.П. Платонова в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН как филологическое и культурное событие // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. К 100-летию академика Д.С. Лихачёва. Материалы научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 84–91.
Kornienko N.V. The A.P. Platonov Archive at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as a philological and cultural event // Problems of Preservation and Study of Cultural Heritage. To the 100th Anniversary of Academician D.S. Likhachev. Proceedings of the Scientific Session of the Department of Historical and Philological Sciences. M.: IEA RAS, 2006. P. 84–91.
3. *Корниенко Н.В.* Архив А.П. Платонова как общекультурное событие / Доклад на Общем собрании РАН 19 декабря 2006 г. // Вестник РАН. 2008. № 5. С. 409–414.
Kornienko N.V. Archive of A.P. Platonov as a general cultural event / Report at the General Meeting of the Russian Academy of Sciences, December 19, 2006 // Vestnik RAN. 2008, vol. 78, no. 5, pp. 409–414.
4. “Страна философов” Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М.: Наследие, 1999.
Andrey Platonov’s “Country of Philosophers”: Unanswered Questions. Vol. 3. M.: Heritage, 1999.
5. “Страна философов” Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.
Andrey Platonov’s “Country of Philosophers”: Unanswered Questions. Vol. 4. M.: IWL RAS, Heritage, 2000.

6. *Платонов А.* Сочинения. Т. I. 1918–1927. Кн. 1: Рассказы. Стихотворения. Кн. 2: Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2024.
Platonov A. Works. V. I. 1918–1927. Book 1: Stories. Poems. Book 2: Articles. M.: IWL RAS, 2024.
7. *Платонов А.* Сочинения. Т. IV. 1928–1932. Кн. 1: Повести. Кн. 2. Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2020.
Platonov A. Works. V. IV. 1928 – 1932. Book 1: Stories. Book 2: Stories. Plays. Scripts. Articles. M.: IWL RAS, 2020.
8. Андрей Платонов: Воспоминания. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994.
Andrei Platonov: Memories. Materials for biography. M.: Contemporary Writer, 1994.
9. Архив А.П. Платонова. Кн. 1. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
Archives of A.P. Platonov. Book 1. Scientific edition. M.: IWL RAS, 2009.
10. *Платонов А.* “...я прожил жизнь”. Письма. 1920–1950. М.: АСТ, 2013.
Platonov A. “...I lived my life”. Letters. 1920–1950. M.: AST, 2013.
11. *Платонов А.* Сочинения. Т. II. 1926–1927: Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2016.
Platonov A. Works. V. II. 1926–1927: Novels. Stories. Scripts. Articles. M.: IWL RAS, 2016.
12. *Платонов А.* Сочинения. Т. III. 1927–1929. Чевенгур. Роман. И.: ИМЛИ РАН, 2021.
Platonov A. Works. V. III. 1927–1929. Chevengur. A novel. M.: IWL RAS, 2021.
13. Андрей Платонов. Личное дело. Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013.
Andrei Platonov. A Personal Affair. Voronezh: Directorate of the International Platonov Festival, 2013.
14. *Платонов А.* Сочинения. Т. VI. 1936–1941. Литературная критика. Публицистика. М.: ИМЛИ РАН, 2023.
Platonov A. Works. V. VI. 1936–1941. Literary criticism. Publicist. M.: IWL RAS, 2023.
15. Архив А.П. Платонова. Кн. 2. Описание рукописи романа “Чевенгур”. Динамическая транскрипция. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
Archive of A.P. Platonov. Book 2. Description of the manuscript of the novel “Chevengur”. Dynamic transcription. Scientific edition. M.: IWL RAS, 2019.
16. *Ласунский О.* Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж: ВГУ, 1999.
Lasunsky O. Resident of the Native City: The Voronezh Years of Andrei Platonov. Voronezh: Voronezh State University, 1999.
17. *Антонова Е.* Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016.
Antonova E. Voronezh period of life and work of A.P. Platonov: biography, textology, poetics. M.: IWL RAS, 2016.
18. “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 9. М.: ИМЛИ РАН, 2024.
Andrey Platonov’s “Country of Philosophers”: Unanswered Questions. Vol. 9. M.: IWL RAS, 2024.
19. *Корниенко Н.В.* Огнестойкое строительство в деятельности “губмелиоратора Платонова” (по материалам Государственного архива Воронежской области) // Крестьяноведение. 1924. Т. 9. № 1. С. 54–74.
Kornienko N.V. Fire-resistant construction in the activities of “gubmeliorator Platonov” (on the materials of the State Archive of the Voronezh region) // Peasant Studies. 1924, vol. 9, no. 1, pp. 54–74.

“...I LIVED MY LIFE”***ON THE 125TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE WRITER
A.P. PLATONOV*****N.V. Kornienko^{a,*}**^a*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*^{*}*E-mail: natalkornienko@yandex.ru*

In 2006, the family archive of the classic of Russian literature of the twentieth century, A.P. Platonov, was submitted for state storage. The article describes the stages of the scientific research of the extremely rich archive; outlines a wide spectrum of textological and text-source issues in the study of the heritage; presents the main projects and guidelines of the scientific group at the IWL RAS, which is working on the first scientific Collected Works of the writer and its satellite writings.

Keywords: Platonov, the writer's archive, the Russian Academy of Sciences, the first scientific Collection of works, biography of the writer, textual works, scientific group.